

странам для активизации инновационной деятельности в приграничных областях, создавая эффект синергии. Примером такого сотрудничества является Североевропейский транснациональный проект (Northern EU TRIP).

Стимулирование наукоёмкого предпринимательства является важнейшим направлением в инновационной политике ЕС. Для этих целей в рамках программы Европейской Комиссии для поддержки инноваций и малого бизнеса (Innovation and SME program), создан проект PAXIS (the Pilot Action of excellent on Innovation start-ups). Высокотехнологичный бизнес на ранней стадии (start-ups) имеет много рисков и требует существенной поддержки со стороны высокопрофессионального менеджмента и финансовых структур. Обмен опытом специалистов в области наукоёмкого предпринимательства поддерживается региональной сетью из 15 регионов.

Программа PAXIS направлена на продвижение опыта передовых регионов в создании и развитии инновационного предпринимательства, что осуществляется посредством:

- создания тематических сетей, формирования собственного веб-сайта;
- межграничного сотрудничества в целях распространения схем поддержки инновационного бизнеса на ранней стадии формирования;
- обмена опытом по результатам работы в 24 пилотных проектах.

Новыми направлениями данной программы являются:

- расширение «клуба элиты» путем создания дополнительных тематических сетей;
- продвижение успешных схем поддержки на страны ЦВЕ, готовящиеся к вступлению в ЕС;
- создание и апробация новых механизмов стимулирования создания инновационных start-ups.

Анализ новых тенденций и механизмов инновационной политики в странах Евросоюза свидетельствует, что региональный уровень реализации политики становится ведущим. Европа стремится создать конкурентную и динамическую экономику, основанную на знаниях. Усилия по продвижению инноваций и технологическому трансферу являются в этом механизме основными.

Беларуси целесообразно использовать опыт стран Центральной и Восточной Европы по подключению к европейским сетям поддержки инноваций в регионах, используя современные телекоммуникации.

В. Никифоров, В. Рутманис
БРИ (Рига)

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ЛАРРИ ЛАУДАНА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ларри Лаудан - американский философ, один из наиболее серьезных критиков моделей научного знания, выдвинутых Томасом Куном, Имре Лакатосом и Полем Фейерабендом. Основная цель исследований Л.Лаудана состояла в эмпирической проверке моделей, выдвинутых этими тремя философами. Напомним наиболее серьезные аспекты этого спора. В соответствии с позицией Лаудана, эпистемология должна быть "натурализованной", то есть удовлетворять тем же требованиям, которые она выдвигает перед наукой вообще. Но поскольку одним из критериев оценки научной теории является ее эмпирическая адекватность, то модели развития знания должны быть подвергнуты проверке на фактах истории науки. Для этого Лаудан составил список высказываний этих трех философов науки, которые могли бы быть сопоставлены с исторически-

ми фактами и тем самым подтверждены или, напротив, опровержены предполагаемыми ими теоретическими конструкциями. Однако, можно возразить Лаудану, исходя из предположения, что в науке не существует ни единственно правильного метода, ни фиксированного множества моделей развития и обоснования научного знания. Научная практика, ее цели и методы не определяются логической или какой-нибудь еще иной необходимостью. В этом смысле теория развития науки аналогична теории исторического развития вообще. Но и в этом случае мы получим не теорию в строгом смысле этого слова, способную делать какие-либо предсказания, а концептуальный каркас, способный ассимилировать задним числом различные исторические факты.

Каждому из упомянутых Лауданом авторов удалось идентифицировать какой-то важный факт или аспект научной практики, который, конечно, может быть поддержан и подтвержден анализом конкретных эпизодов из истории науки. Поэтому было бы неверным утверждать, как это делает Лаудан, что такой выбор окажется совершенно произвольным. Просто, как любой другой общественный институт, наука эволюционирует, и в любой данный момент времени ее характеристики являются продуктом как ее исторического прошлого, так и внешнего окружения, в котором она функционирует в настоящее время.

Средства, которыми пользуются ученые в процессе принятия или отказа от какой-нибудь теории, могут видоизменяться от случая к случаю, и неизвестно, существует ли конечное множество таких средств, которое было бы исчерпывающим для всей науки. В науке делается то, что необходимо и приемлемо для научного сообщества в рамках данного исторического периода.

Ларри Лаудан принадлежит к крайнему крылу "рационалистического ренессанса" в постпозитивизме и в этом отношении он чрезвычайно близок историко-научным взглядам С.Тулмина и его видением эволюционного прогресса научных дисциплин во времени. Кстати, сам Тулмин признает, что Лаудан - его верный союзник совместно с Д.Шредером и В.Лепенисом. Тулмин, Лаудан и их союзники являются поборниками исторического подхода, ядром которого является резко отрицательное отношение к крайним формам релятивизма в научном познании. Эта группа философов науки в критическом противостоянии против релятивизма объективно объединились с тремя направлениями постпозитивизма: номологическим направлением Карла Гемпеля, Эрнеста Нагеля, Рудольфа Карнапа и К.Поппера; системным направлением Т.Куна, И.Лакатоса и П.Фейерабенда; интерпретационного направления во главе с М.Полани, Дж.Холтоном и Бранниганом, которые, по мнению С.Тулмина, связаны с концепциями науки, лишенных временного исторического измерения.

Точка зрения Томаса Куна, при внутренней конкуренции этих трех направлений, вытесняется концепциями Имре Лакатоса (1922- 1974) и Ларри Лаудана, особенно последнего. Лаудан продолжает поддерживать тезис Полани Куна, согласно которому наука может быть описана в терминах существенных, связывающих ее констант: таких, как, например, картина мира. Но, с другой стороны, Лаудан и Лакатос, видят их не в наборе позиции ученого, как это предполагал Полани. или в моделях, как об этом думал Т. Кун, а в наборе методологических правил, или эвристик. Такие правила, как "делай" и "не делай" - не являются неявным знанием, они эксплицированы и могут служить основанием для выбора ученым определенной исследовательской программы. В отличие от Полани и Куна, считающих, что для ученых не существует выбора: принимать или не принимать парадигму, Лаудан и Лакатос считают выбор первичным по отношению к группе.

Существуют два вида методологических эвристик: первые - позитивные эвристики - обозначают пути исследования, которых следует придерживаться (например, как предвидеть и отвести опровержения). Вторые - негативные эвристики - предупреждают

от путей, способных разрушить ядро исследовательских программ. Эти правила рекомендуют относиться как к аномалиям, - не как к проблеме угрожающей парадигме, а как к вполне разрешимой задаче. Ученый, по Лаудану и Лакатосу, действует скорее согласно парадигме Куна, а не из принципа фальсификации К.Поппера. Поведение ученого является или, по крайней мере, может являться рациональным. Действительно, если цель ученого - научная продуктивность - открытие новых фактов, решение научных проблем и получение нового знания, то сохранять догматические установки по отношению к исследовательской программе до тех пор, пока она продуктивна, будет рационально. Также рационально будет порвать с ней, если программа начнет деградировать, вырождаться, и заменить другой программой, более продуктивной научной группы. Выбор программы, таким образом, детерминирован не метафизической, а необходимой научной стратегией. Словом, Лаудан и Лакатос придают социологии Томаса Куна нормативное измерение: там, где последний видит только материал, подлежащий социологическому описанию, они рассматривают ученого не только как социального агента, как винтика научной машины, но и как человека, который может осознавать правила, по которым действует, понимать структуру науки, совершать рациональный выбор между конкурирующими программами в пользу более прогрессивной. Ученый, подчеркивает Л.Лаудан, не должен догматически и метафизически относиться к правилам, поскольку от них зависит слишком многое в научном поиске.

Лаудан считает, что выбор между парадигмами или теориями - рациональный процесс, поскольку когнитивные нормы и ценности, принимаемые учеными, могут быть подвергнуты критической оценке. Развивая интерналистский подход к науке, Лаудан считает, что т. н. "интеллектуальная история науки" рассматривается в качестве основной движущей силы развития науки, внутренне связанные с природой знания, с объективной логикой возникновения и решения проблем, с эволюцией интеллектуальных традиции и др. Крайний "интернализм" Лаудана несет на себе непосредственное влияние И. Лакатоса, который, как известно, ратовал за приоритет "внутренней" истории. Слова Лакатоса, которые любил повторять и Лаудан, согласно которым обращение ученых к "внешним" факторам истории науки свидетельствует прежде всего о слабости теоретического обоснования "внутренних" факторов развития науки. Однако Лаудан не разделяет приверженности Лакатоса примитивным логическим схемам: нельзя, по мнению Лаудана, пытаться сравнивать рациональные реконструкции в терминах "больше-меньше" или путем включения множеств, поскольку Лаудан хорошо осознавал и понимал, что одна рациональная реконструкция включает в свою внутреннюю историю как факт открытия, в другой рациональной реконструкции может оказаться фактом опровержения, а в третьем случае - вообще не быть фактом. Лаудан открыто заявлял, в частности, что рациональность выступает как производное от прогресса науки.

В древнегреческой философии и в философии Нового времени господствовало убеждение, что именно рациональные аргументы и рациональное обоснование позволяет говорить об истинности некоторого представления, а не то, что истина является признаком и условием рациональности знания. Ни классическая гносеология, ни современная философия науки никогда не утверждали, что истина может служить очевидным критерием рациональности (исключая разве что "научный реализм"), а потому критика Лаудана не достигает цели. Лаудан, стремясь построить независимую от понятия истины теорию рациональности, все же наивно и неявно использует понятие истины в собственных посылах, поскольку решение проблемы предполагает различие подлинных проблем и псевдопроблем, что, по замечанию А.Мисгрейва, само требует истинности оценки.

Общее представление Лаудана о рациональности в терминах целей науки требует понятия истины: говоря о том, что научное исследование оправдывается чувством че-

ловческой любознательности, Лаудан забывает добавить, что любознательность сама предполагает заинтересованность в истине. Представления Тулмина и Лаудана о рациональности оказываются весьма и весьма проблематичными. Все критики взглядов Лаудана открыто объявляют свою приверженность "научному реализму", связывающему прогрессивность теории с понятием истины. Но эта критика не достигает цели, хотя прав Сигель, что идеи Лаудана и Тулмина не представляют собой серьезной альтернативы стандартным подходам к проблеме рациональности науки. Но "научный реализм" также не слишком преуспел в решении этой задачи, следовательно, Лаудан не так уж неправ в своей критике в его адрес.

Лаудан для более глубокого понимания рациональности обращается к проблеме соотношения науки и ценностей.

Он выдвигает новую "сетчатую модель научной рациональности", которая, по мнению Лаудана, должна нейтрализовать имеющиеся трудности. Лаудан ставит своей задачей объяснение ситуации согласия (консенсуса) и несогласия ученых, которые коммуницировали между собой с помощью модели, обозначаемой Лауданом как "одномерная иерархическая модель науки". Споры о научных фактах эта модель разрешала на уровне теории или метода, а споры о теориях и методах с помощью отнесения к ценностям. Споры о самих ценностях или целях, интерпретируемых субъективно-эмоциональным образом, оценивались как выход за пределы науки и научной рациональности и, следовательно, не предполагали рационального решения. Л.Лаудан пишет: "Наиболее глубокое отличие сетчатой картины науки от иерархической состоит в том, что первая настаивает на сложности научной деятельности, в которой процессы взаимного согласия и взаимного обоснования объединяют все три уровня (факт-метод-цель). Обоснование движется как вверх, так и вниз по этой иерархии, связывая цели, методы и методы функциональной констатации. Мы не рассматриваем какой-либо из этих уровней как привилегированный, первичный или более фундаментальный, чем другие. Аксиология, методология и эмпирия с необходимостью переплетаются в отношениях взаимной зависимости".

Проблему несогласия ученых по вопросам ценностей Лаудан разрешает таким образом, что допускает существование различных и даже несовместимых ценностей и целей в рамках науки. Исследование не имеет какой-либо одной "подлинной" цели, поскольку участие в нем правомерно с точки зрения самого широкого спектра причин и целей. Допущение того, что естественнонаучному исследованию присуща какая-либо априорная аксиология, не может быть оправдано в свете очевидной дивергенции потенциальных результатов исследования и их применения.

Лаудан настаивает на том, что "сетчатая модель рациональности" не сводится к указанию на целесообразность научной деятельности: существует множество целесообразных видов деятельности, которые не укладываются в интуитивные стандарты рациональности. Для квалификации целесообразной активности как рациональной сама цель должна быть подвергнута тщательному исследованию. Но самое большее, что может требовать теория рациональности, по Лаудану, это стремление к тому, чтобы познавательные цели отражали основные убеждения людей по поводу того, что возможно, а что нет, и это должно осуществляться, в свою очередь, для того, чтобы методы находились в соответствующем отношении к целям и чтобы явные и скрытые ценности согласовывались друг с другом. В таком случае научный прогресс оказывается производным от достижения той или иной цели. Но если сами цели науки изменяются, то прогресс выступает как следствие нашего анализа ситуации: определение прогресса производно от нашего представления о целях науки, какие бы действительно цели не ставили перед собой ученые. Этот явный субъективизм методологии оценивается Лауданом как неизбежный: "Невозможно избежать того, чтобы определение прогресса бы-

ло бы релятивизировано конкретной совокупностью целей, поскольку у нас нет их соответствующего единого набора".

Концепция философии науки Лаудана не сводится к вопросу о критерии научной рациональности. Критикуя "холистскую" картину развития науки, которую Томас Кун, в частности, описывал, используя аналогию с гештальт-переключением, Лаудан подчеркивает сложный, постепенный характер перестройки научного знания, и здесь он демонстрирует новые возможности методологического анализа в рамках по сути материалистической философии науки. В этом анализе основную роль он отводит личным, культурным и социально-экономическим аспектам, анализирует роль факторов, способных тормозить или ускорить имманентный ход познания. Здесь Лаудан отнюдь не игнорирует в своих теоретико-исторических конструкциях /и реконструкциях/ реальные связи между динамикой познания и его социально-культурным контекстом. Лаудан пытается сохранить своеобразное равновесие "добросовестности" между гносеологическим релятивизмом и плюрализмом в сфере методологической рефлексии над наукой, хотя в то же самое время, "имидж" последовательного сциентиста в философии науки сохраняется.

Ларри Лаудан считает, что "необходимо расширить понятие рациональности для того, чтобы показать и наглядно продемонстрировать, что "вторжение", казалось бы, "ненаучных" факторов в принятие научного решения, которые являются вполне реальным процессом: Не видя перспектив и даже «победы», предрассудка, суеверия и иррациональности в науку философских, религиозных и моральных компонентов, Лаудан показывает, что его расширенная модель философии науки вполне "примиряется" с присутствием подобных элементов, считает их вполне совместимыми с рациональностью, хотя и продолжает являться явной данью этим предрассудкам... Это не мешает Лаудану критиковать когнитивную социологию науки, приписывая ей, не без основания, "иррациональную предпосылку", которую он формулирует следующим образом: "... социология знания может включаться в объяснение убеждений, если только эти убеждения не объяснимы в терминах их рациональных достоинств... В сущности, иррациональная предпосылка устанавливает разделение труда между историками идеи и социологами знания".

Социологи знания начали изучать как раз те феномены, которые и Лаудан считает важными для понимания науки. Но вместо того, чтобы приветствовать такие попытки, Лаудан критикует их как якобы выход за пределы установленного предмета исследования. Методолог ограничивает свой анализ рефлексивно выраженной деятельностью, а социолог реконструирует её на основе анализа социального контекста. Но именно это положение не устраивает Лаудана, поскольку содержит намек на то, что социолог дает более объективную (не отягощенную рефлексией) картину научного исследования. Здесь, конечно, неправы и представители когнитивной социологии, убежденные в том, что рефлексия так же как и идеология, только затемняет подлинное положение дел, хотя именно в рефлексии, согласно правильному мнению К.Поппера, кроется специфика науки.

Когнитивная социология, исследуя объективную детерминацию знания всей совокупностью социальных факторов, не так озабочена выявлением специфики науки, и поэтому именно ей удастся сформулировать тезис "социальной рациональности", имеющий важное методологическое и философское значение, поскольку этот тезис, в частности, легализует анализ политики, религии, морали и т.п. как особых типов рациональности, несводимых к рациональности науки. Он открывает возможность исследования рационального содержания таких "девиантных" форм освоения действительности, как паранаука и магия. Все это в значительной мере обогащает теоретико-

познавательные исследования, полнее реализует те тенденции историзации и социологизации эпистемологии, которые наметились в последней четверти XX века.

В дискуссии между Лауданом и представителями когнитивной социологии действительно подняты очень важные проблемы. В дискуссии речь шла о том, что философия является единственной формой общественного сознания, способной аккумулировать в себе наиболее характерные и существенные черты науки как таковой, отличные от ее частных и конкретных проявлений в отдельных "частных" научных дисциплинах. Внутринаучная рефлексия, хотя и обладает рядом неоспоримых достоинств в сравнении с наднаучной рефлексией обыденного сознания, тем не менее не может решить ряд важнейших вопросов. Среди них, в частности, такие, как выявление общеносеологической специфики науки, определение культурно-аксиологического статуса науки и исследование ее социологического статуса. Несомненно, что все эти вопросы взаимосвязаны, более того, не могут решаться в отрыве друг от друга, что является своеобразным требованием "принципа дополнительности". Эти вопросы способна решать только философия, в том числе философия науки, и здесь Лаудан несомненно более прав, чем его критики из лагеря когнитивной социологии. Философия способна решать эти вопросы и потому, что она единственная, способная тем самым создать обобщенный образ науки.

А. А. Орешенков
ВГТУ (Витебск)

МАРКЕТИНГ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Среди функциональных областей на предприятии маркетингу отводится особое место. Его претензии на ведущую роль вытекают из значимости рынка как решающего фактора успеха. Усиление роли маркетинга в организации обусловлено следующими причинами.

Во-первых, происходят трансформационные сдвиги в факторах конкурентной борьбы отечественных предприятий. Конкурентное преимущество достигается за счет предоставления покупателю большей ценности.

Во-вторых, большая ценность может быть предложена посредством оказания потребителю дополнительных услуг, имеющих маркетинговое происхождение.

В-третьих, повышается степень риска предпринимательства, что требует особого внимания к формированию хозяйственного портфеля предприятия.

В-четвертых, усиление конкуренции обуславливает необходимость определения правильной позиции предприятия на рынке с использованием инструментов сегментирования, позиционирования и выбора целевой группы покупателей.

В этой связи маркетинг играет особую и исключительно важную роль в управлении предприятием. Пронизывая все его процессы, маркетинг делает возможной ориентацию предприятия на запросы потребителей и тем самым обеспечивает гибкое и адаптивное его включение в окружающую среду.

Основная проблема исследования роли маркетинга, на наш взгляд, заключается в отсутствии общепризнанной теории и методологии маркетингового механизма в стратегическом управлении предприятием. В общем виде в маркетинговый механизм стратегического управления входят:

- аппарат выработки целей деятельности предприятия на рынке;
- средства реализации принципов стратегического маркетинга;
- система функций, методов и инструментов стратегического маркетинга.